

© 2008 г. И.М. БОГУСЛАВСКИЙ

ТОЛЬКО ЛИ У ГЛАГОЛОВ ЕСТЬ ДИАТЕЗЫ?*

В прототипическом случае актанты (= аргументы) предикатных слов синтаксически им подчинены и выполняют при них функцию субъекта или объекта того или иного типа. Валентности, заполняемые таким образом, называются активными. Различается два типа непрототипических валентностей: (1) актанты синтаксически подчиняют свое предикатное слово (так называемая, пассивная валентность) и (2) актанты не связаны с ним никакой непосредственной синтаксической связью (разрывная валентность). Последние два типа валентностей в основном характерны для неглагольных слов – существительных, прилагательных, наречий и др. С понятием актанта связано, прямо или косвенно, несколько лингвистических понятий. Однако обычно эти понятия опираются лишь на прототипические – активные – типы заполнения валентностей. Если принять в расчет также валентности пассивного и разрывного типа, то область явлений, связанных с актантами, значительно расширяется, и, как следствие, необходимо расширение объема ряда понятий. Мы обсуждаем некоторые из таких явлений и показываем, что понятия *диатезы* и *конверсии* нуждаются в обобщении.

1. ВВЕДЕНИЕ

Большая часть семантических исследований так или иначе посвящена вопросу о том, что означают те или иные языковые единицы. Нас будет интересовать другая проблема: как значения отдельных слов складываются в совокупное значение всего предложения? Пусть нам дано предложение, и требуется построить его семантическую структуру. Очевидно, что для этого надо располагать по меньшей мере двумя вещами. Во-первых, должен иметься словарь, содержащий толкования всех значащих единиц языка и в том числе толкования слов, образующих анализируемое предложение. Во-вторых, нужно знать, как слова данного предложения связаны между собой. При наличии этой информации можно ставить вопрос о том, каким образом из этих толкований образуются значения словосочетаний и всего предложения.

Для того чтобы наши рассуждения были достаточно определенными, следует фиксировать определенный способ представления синтаксической структуры предложения. В соответствии с традицией, принятой в Московской семантической школе, мы будем изображать синтаксическую структуру в виде дерева зависимостей, в котором каждое слово, кроме вершины (обычно, сказуемого), подчинено некоторому слову, называемому его хозяином.

Главным механизмом объединения значений слов является механизм заполнения семантических валентностей. Понятие семантической валентности достаточно хорошо известно, хотя не всеми исследователями понимается одинаково (см., например, обзор разных подходов в [Somers 1987]). Мы будем исходить из концепции Московской семантической школы, согласно которой набор валентностей каждого слова определяется значением слова и его поведением. Говоря несколько огрубленно, у слова усматривается некоторая семантическая валентность *P*, если в ситуации, которую оно называет, есть обязательный участник *P*, обозначение которого может регулярным образом выра-

* Настоящая работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 06-04-00090, 07-06-00339 и 08-06-00367, за что выражаем Фонду искреннюю признательность.

жаться при данном слове. Подробнее о валентностях и актантах см. [Апресян 1974; Мельчук 1974; Богуславский 1985; 1996; Mel'čuk 2004a,b].

Часто о валентностях говорят в связи с задачей описания управляющих свойств слов (см., например [Апресян 2006]). Именно эта задача в первую очередь мотивирует создание многочисленных словарей валентностей. Мы, однако, хотели бы сделать другой акцент: валентности являются важнейшим инструментом соединения слов в предложении, своего рода семантическим клеем, благодаря которому значение предложения образует связную структуру. Мы исходим из того, что если одно из слов в предложении (А) семантически воздействует на другое (Б), то за этим скрывается семантическая валентность: слово Б так или иначе заполняет семантическую валентность слова А. Все связи между элементами в семантической структуре – это связи между предикатами и аргументами, и других семантических связей нет.

Замечание 1. Надо иметь в виду, что далеко не все предикаты, представленные в семантической структуре, соответствуют значениям лексем. Они могут восходить к значению любой значащей единицы языка – лексической, морфологической, синтаксической, интонационной. Это одно из принципиальных положений Московской семантической школы, которая исходит из того, что все типы значащих единиц должны быть истолкованы на едином семантическом метаязыке [Апресян 2005]. Так, например, граммема прошедшего времени в предложении *Он пришел* вносит в значение предложения предикацию 'время его прихода предшествует моменту речи'.

Замечание 2. Утверждение о том, что все связи между элементами семантической структуры суть связи между предикатами и аргументами, не следует понимать в том смысле, что любые связи между словами в синтаксической структуре предложения сводятся к предикатно-аргументным. Синтаксическая связь может кодировать весьма сложный комплекс значений. Мы утверждаем лишь, что образ этого комплекса в семантической структуре, как и любого другого комплекса значений, образован сочетанием предикатов и аргументов. Например, синтаксическая связь между существительным и числительным в сочетании *десять страниц* не является предикатно-аргументной. Однако семантическая структура этого сочетания ('количество страниц равно десяти') образована предикатом 'количество' и его двумя аргументами 'страницы' и 'десять'.

Общий механизм объединения значений слов в значения более крупных текстовых единиц состоит в следующем. Толкование каждого валентного слова содержит переменные, соответствующие его валентностям. Например, глагол *отомстить* содержит в своем толковании четыре переменных:

- (1) *X отомстил Y-у за Z W-ом* = 'Человек X, которому Y в какой-то момент в прошлом причинил зло Z, помня это зло и зная, что он будет удовлетворен, только если причинит не меньшее зло Y-у, причинил Y-у зло W' [Апресян 2004: 736].

Для семантической интерпретации предложения необходимо для каждого валентного слова найти слова, соответствующие его валентностям (если эти слова в предложении имеются), и подставить их толкования в толкование валентного слова вместо соответствующих переменных. В предложении

- (2) *Княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа*

реализованы только три из четырех валентностей глагола. Значения выражений *княгиня Ольга*, *древляне*, *убийство своего мужа* должны быть подставлены в толкование (1) вместо переменных X, Y и Z. Валентность W остается в этом предложении незаполненной.

Заполнение валентностей не всегда происходит так просто, как в примере (2). Прежде всего, синтаксические позиции актантов могут не совпадать с позициями подлежащего и дополнений (об этом подробнее мы будем говорить ниже). Кроме того, в более спе-

циальном случае валентность слова А заполняется не значением слова Б в целом, а лишь некоторым его компонентом (см. об этом в [Богуславский 1996: 90–115]). На это обстоятельство опирается полезный эвристический прием, которым нередко пользуются лексикографы при поиске адекватного толкования. Необходимо рассматривать всевозможные сочетания слова А с другими словами. Если существует сочетание слова А со словом Б, в котором Б семантически воздействует на А и при этом характеризует смысловой компонент х, то это серьезный аргумент в пользу того, чтобы считать, что х входит в значение А. Проиллюстрируем это положение на примере слова *акцент* в том значении, в котором оно выступает в предложениях типа (3)–(5).

(3) *Мария говорит с южным акцентом.*

(4) *Жан произнес эту фразу с французским акцентом.*

(5) *Он отлично умеет имитировать грузинский акцент.*

Возьмем за основу толкование английского *accent* из прекрасного словаря Longman dictionary of contemporary English, которое вполне можно использовать и для русского *акцент* и которое в явном виде упоминает некоторые важные для нашего рассмотрения компоненты:

(6) ACCENT: the way someone pronounces the words of a language, showing which country or which part of a country they come from ('способ, которым некто произносит слова языка, показывающий, из какой страны или какой части страны он происходит').

Прежде всего, для того, чтобы применить это толкование к каким бы то ни было предложениям, необходимо определить, какие элементы толкования соответствуют валентностям, и снабдить их переменными. В толковании (6) таких элементов, очевидным образом, два. Они иллюстрируются сочетаниями *акцент Марии* и *южный акцент*. Припишем им переменные:

(7) 'способ, которым лицо X произносит слова некоторого языка, показывающий из какой страны Y или какой ее части Y происходит X'.

Найдя актанты X и Y в предложении (3) и подставив их в толкование, мы получим следующую интерпретацию интересующего нас фрагмента этого предложения: 'способ, которым Мария произносит слова данного языка, показывает, что она происходит из южной части страны'. Аналогичным образом, предложение (4) получает толкование 'Жан произнес эту фразу таким способом, который показывает, что он происходит из Франции'. Эти интерпретации в целом отражают значение предложений (3) и (4) довольно верно¹. Однако попытка применить толкование (7) в более широком круге контекстов показывает, что оно явно недостаточно. Как поступать с предложениями, в которых сообщается о степени акцента, такими, как (8) или (9)?

(8) *У него чувствуется легкий эссекский акцент.*

(9) *Она до сих пор говорит с сильным акцентом.*

¹ Впрочем, одну неточность, пожалуй, стоит отметить. Произнесение фразы с французским акцентом в действительности показывает не то, что говорящий происходит из Франции, а то, что он произнес эту фразу не так, как это обычно делают носители данного языка, а так, как это типично для французов. Конечно, из этого слушающий может заключить, что говорящий происходит из Франции, но это не является частью значения слова *акцент*, а представляет собой логический вывод.

Толкование (7) не содержит ничего, что могло бы отвечать за то, что акцент может быть больше или меньше. Что собственно мы хотим сказать, когда сообщаем в (8), что у кого-то легкий эссекский акцент? Явным образом, не то, что произношение этого лица слегка показывает, что это лицо из Эссекса. Предложение (7) означает, во-первых, что этот человек произносит слова способом, типичным для жителей Эссекса, а во-вторых, – что этот способ слегка отличается от нормы. Аналогично, в (9) сообщается, что это отличие велико. Именно величина отклонения от нормы и характеризуется прилагательными степени *легкий* и *сильный*. Таким образом, столкновение с сочетаниями типа *легкий* <*сильный*> *акцент* заставляет нас несколько пересмотреть значение самого слова *акцент* и ввести в него компонент, позволяющий мыслить акцент в большей или меньшей степени. Этим компонентом является идея отклонения от нормы. Оно может быть больше или меньше, но оно всегда есть.

Впрочем, само представление о норме допускает некоторое варьирование. Чаще всего под нормой понимается образцовое произношение, на фоне которого любое отклонение воспринимается как ошибка. Однако возможны и такие ситуации, когда нормой считается способ произнесения, обычный в некоторой языковой среде. Тогда акцентом можно назвать и такое произношение, которое отличается от него, возможно, даже в «лучшую сторону».

(10а) *Эти актеры своим хорошим британским акцентом доводили американцев до бешенства* («Культура»).

(10б) *А ведь говорил с ней по-английски, не без оксфордского акцента* (А. Найман).

Толкование, отражающее эти наблюдения, могло бы быть таким:

(11) *X-овый акцент Y-а в языке Z* = ‘особенности произношения, отличающие речь человека Y на языке Z от речи носителей этого языка и типичные для представителей языка, группы или местности X’.

Примеры: *французский акцент* (способ произнесения, типичный для французов), *аристократический акцент* (способ произнесения, типичный для аристократии), *южный акцент* (способ произнесения, типичный для жителей Юга).

В примерах, которые обсуждались выше, речь шла о валентностях прилагательных степени (*легкий*, *слабый*, *незначительный*, *сильный*, *заметный* и т.п.). Конечно, прилагательные не являются самыми типичными валентными словами. Однако в данной работе нас будут интересовать именно непрототипические случаи и их соотношение с прототипическими. Поэтому сначала нам придется кратко охарактеризовать валентности разных типов и прототипические способы их заполнения.

2. АКТИВНЫЕ, ПАССИВНЫЕ И РАЗРЫВНЫЕ ВАЛЕНТНОСТИ

С точки зрения синтаксической позиции актанта относительно своего предиката следует различать три типа валентностей: активные, пассивные и разрывные [Boguslavsky 2003]². **Активные** валентности слова *L* заполняются такими элементами предложения, которые синтаксически зависят от *L*. Например, в предложении³

² Как мы увидим ниже, одна и та же валентность может быть активной в одних употреблениях и пассивной или разрывной в других. Поэтому точнее говорить не об активных/пассивных/разрывных валентностях, а об активных/пассивных/разрывных типах заполнения валентности. Однако для краткости мы будем использовать более компактную формулировку.

³ Здесь и ниже подчеркиванием мы будем выделять слово, о валентностях которого идет речь.

(12) *За интенсивной артиллерийской подготовкой [B] последовало наступление [A] по всему фронту*

у глагола *следовать* есть две валентности (*A следует за B*), и обе они заполняются формами, синтаксически подчиненными глаголу – подлежащим и дополнением.

Пассивные валентности, наоборот, заполняются элементами, которые сами синтаксически подчиняют *L*. Так предлог *после*, в одном из значений квазисинонимичный глаголу *следовать* (*за*) и имеющий те же валентности (*A после B*), заполняет эти валентности иначе. Если валентность *B* заполняется, как и в случае глагола, активным образом, то *A* заполняется словом, синтаксически подчиняющим предлог:

(13) *жизнь [A] после смерти [B]* ('жизнь, которая следует за смертью').

Элементы, заполняющие разрывные валентности, не имеют непосредственной синтаксической связи со словом *L*. Типичным примером могут служить слова с кванторным значением типа *все, некоторые, многие* и др. В предложении (14) одна из валентностей прилагательного *многие* заполняется определяемым существительным *пенсионеры*, а вторая – глаголом *любят*, который с прилагательным синтаксически не связан (см. подробнее ниже, в разд. 4.1):

(14) *Многие пенсионеры [R] любят [P] работать в саду.*

Для кванторных слов разрывное выражение одной из валентностей является основным (прототипическим) типом заполнения. Однако нередко разрывное заполнение валентности лишь дополняет основной – активный – способ. Массовым источником такого рода ситуаций служат лексико-функциональные глаголы типа *Oper/Func*, которые способны синтаксически оттягивать на себя актанты своего ключевого слова. Так, валентности существительного *давление* могут заполняться не только формами *чего* и *на что*, непосредственно управляемыми этим существительным, но и через «прокладку» лексико-функционального глагола *оказывать*:

(15a) *давление газа на стенки сосуда.*

(15б) *Газ оказывает на стенки сосуда значительное давление.*

(15в) *давление, оказываемое газом на стенки сосуда.*

3. КАНОНИЧЕСКИЕ И НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ АКТАНТОВ

Как известно, в наиболее чистом виде валентности представлены у глаголов, которые наилучшим образом приспособлены для того, чтобы выражать актанты. В первую очередь это обусловлено тем, что эти валентности активные. Такие валентности имеют вполне определенные способы оформления актантов. Если у слова несколько валентностей, то их способы выражения, как правило, отчетливо противопоставлены – падежами, предлогами, союзами, порядком слов.

Впрочем, эта закономерность не абсолютна. Есть случаи, когда разные валентности одного и того же предиката оформляются одинаково. Тривиальный пример – родительный субъекта и объекта типа *amor patris* или *приглашение президента*. Ср. также тождественное (беспредложное) выражение валентности содержания и валентности стимула у английского глагола *answer*: *answer something* 'ответить что-то' и *answer the question* 'ответить на вопрос'. В русском языке любопытный пример такого типа демонстрируют слова *достаточно, необходимо* и *нужно*, которые могут оформлять обе своих валентности с помощью союза *чтобы*. В одном случае *чтобы* присоединяется непосредственно, а во втором случае – через связку: *Чтобы A, (было) достаточно <необходимо, нужно>, чтобы B*.

- (16а) *Чтобы все взлетело на воздух [А], достаточно, чтобы кто-нибудь поднес спичку [В].*
- (16б) *Чтобы доклад был принят [А], необходимо <нужно>, чтобы оба отзыва рецензентов были положительными [В].*

В этом случае, впрочем, тождество союза компенсируется различием в порядке слов: поменять местами *чтобы*-предложения нельзя.

- (17) **Чтобы кто-нибудь поднес спичку [В], достаточно, чтобы все взлетело на воздух [А].*

При этом *чтобы*-предложения, вводящие разные валентности, обладают разной степенью свободы передвижения. Предложения, заполняющие валентность А, могут стоять не только до валентного слова (как в (16а, б)), но и после него:

- (18а) *Малейшей искры [В] вполне достаточно, чтобы все взлетело на воздух [А].*
- (18б) *Два положительных отзыва [В] совершенно необходимы, чтобы доклад был принят [А].*

А предложения, заполняющие валентность В, в препозиции невозможны:

- (19а) **Чтобы кто-нибудь поднес спичку [В], вполне достаточно для взрыва [А].*
- (19б) **Чтобы оба отзыва рецензентов были положительными [В], необходимо для прохождения конкурса [А].*

Любопытно, что в случае *достаточно* (но не *необходимо*) валентность В может быть выражена посредством сочинения:

- (20) *Достаточно, чтобы кто-нибудь поднес спичку, и все взлетит на воздух.*

Таким образом, даже если разные валентности слова маркируются тождественными лексико-грамматическими средствами, язык стремится провести различие другими средствами.

В теории «Смысл – Текст» разработан мощный инструмент описания активных валентностей – модель управления. Это таблица, устанавливающая два соответствия: соответствие между семантическими актантами (СемА) слова и его глубинно-синтаксическими актантами (ГСинтА), которое называется диатезой, и соответствие между глубинно-синтаксическими и поверхностно-синтаксическими актантами (ГСинтА) [Апресян 1974; Мельчук 1974; Melčuk 2004a,b]. Например, модель управления уже знакомого нам глагола *отомстить* выглядит следующим образом. Первая строка таблицы показывает, что семантическому актанту Х соответствует 1-й ГСинтА, СемА Y – 2-й ГСинтА и т.д. Вторая строка описывает поверхностный способ выражения каждого из ГСинтА.

Таблица

X отомстил Y-у за Z W-от			
X = 1	Y = 2	Z = 3	W = 4
S им	S дат	за S	1. S твор 2. тем, что ПРЕДЛ 3. ДЕЕПР

Если известна поверхностно-синтаксическая структура предложения, то с помощью модели управления слова легко найти все его семантические актанты. Одно из осложнений, которые здесь возникают, состоит в том, что соотношение между СемА и ГСинтА в общем случае не является взаимно-однозначным. У слова может быть более одной диатезы. СемА слова может реализоваться в разных синтаксических позициях и тем самым соответствовать разным ГСинтА. Множественность диатез привлекла к себе большое внимание исследователей, в первую очередь, в связи с категорией залога. Эту категорию можно определить как морфологически маркированную модификацию базовой диатезы, которая не меняет пропозициональное значение слова⁴. Также хорошо известно, что диатетические различия не обязательно связаны с залоговым противопоставлением. Ср. хрестоматийную пару (21а, б), в которой актанты *корабль* и *зерно* выступают в разных синтаксических позициях, но это различие морфологически не маркировано в глаголе и поэтому не порождает залогового различия:

(21а) *Докеры грузили корабль зерном.*

(21б) *Докеры грузили зерно на корабль.*

Другой пример незалогового диатетического различия – так называемое расщепление валентностей, когда одному семантическому актанту соответствует два глубинно-синтаксических:

(21в) *Я считаю, что он достоин награды.*

(21г) *Я считаю его достойным награды.*

Надо сказать, что некоторые исследователи усматривают диатетические различия в еще более широком круге ситуаций. Так, Б. Парти [Partee 2005] включает в эту область также вариативную падежную маркировку семантических актантов глагола (типа *Он не получил письмо – Он не получил письма*). Е.В. Падучева говорит о сдвиге диатезы в ситуации расщепления именной группы (типа *Сын Маши пошел в школу – У Маши сын пошел в школу*), когда генитивный актант существительного перемещается в позицию детерминанта [Paducheva 2003].

В случаях типа (21а-г) приходится постулировать две разные модели управления, независимо от того, одно или разные лексические значения глагола усматриваются в этих парах. Однако даже если у глагола имеется две модели управления, практически всегда можно установить, какая из них реализована в конкретном предложении. Так, фрагмент синтаксической структуры «ГРУЗИТЬ + прямое дополнение» сам по себе недостаточен чтобы достоверно указать, какую валентность глагола заполняет прямое дополнение. Если же принять во внимание форму косвенного дополнения (существительное в творительном падеже vs. предлог *на*), то диатеза будет определена однозначно. Таким образом, можно утверждать, что между СемА и ГСинтА существует взаимнооднозначное соответствие с точностью до варьирования диатезы. Общее правило состоит в том, что актанты, заполняющие активные валентности, маркируются в синтаксической структуре однозначным образом, и каждый актант способен занимать только одну синтаксическую позицию относительно своего валентного слова. В какой степени это справедливо для актантов, заполняющих пассивные и разрывные валентности? Ведь в этих случаях аппарат моделей управления неприменим, и трудно говорить о лексико-грамматической маркировке актантов. Попытка проверить это свойство на материале пассивных и разрывных валентностей, предпринимаемая ниже, приводит к любопытным сюрпризам.

⁴ Теория залога, основанная на понятии мены диатезы, восходит к пионерской работе [Мельчук, Холодович 1970] и в дальнейшем развивалась в целом ряде работ. Новейшую версию этого подхода можно найти в [Mel'čuk 2006].

4. ТИПОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАПОЛНЕНИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ

Выше мы видели, что стройная схема описания соответствия между семантическими актантами и их поверхностной реализацией, предлагаемая моделями управления, наталкивается на два осложнения. Первое из них состоит в неединственности диктанды, которая заставляет постулировать для одного слова более одной модели управления. Второе вызвано тем, что синтаксические актанты, описываемые моделями управления, далеко не исчерпывают всех типов синтаксических реализаций семантических актантов.

Для каждого класса предикатов имеется прототипическая синтаксическая позиция для актантов и некоторые непрототипические позиции. Прототипической позицией естественно считать такую, которую занимает актант одновалентного предиката. Если одновалентным является глагол, то его актант скорее всего будет подлежащим (*Иван спит*). Для существительных прототипической позицией будет позиция дополнения в родительном падеже (*сон Ивана, начало концерта*).

Для предикатов с пассивными валентностями прототипической позицией является позиция подчиняющего слова. В случае прилагательного это определяемое существительное (*интересная книга*), в случае наречия – глагол или прилагательное (*бежал быстро, очень быстрый*⁵).

Если у предиката более одной валентности, то остальные актанты занимают другие, непрототипические позиции. Если оставить в стороне управляемые формы, описываемые моделями управления, то можно выделить три позиции, которые может занимать непервый актант. Он может быть выражен:

- подчиняющим глаголом (для существительных и прилагательных),
- зависимым подчиняющего глагола (для наречий),
- зависимым подчиняющего существительного (для прилагательных).

Рассмотрим эти позиции подробнее.

4.1. Подчиняющий глагол

Важным классом слов, одна из валентностей которых заполняется подчиняющим глаголом, являются кванторные слова типа *все, каждый, любой, некоторый, многие, большинство, меньшинство* и др. Эти слова имеют по крайней мере две валентности – R и R'. Одна из них (R) в прототипическом случае заполняется существительным, непосредственно связанным с кванторным словом, а вторая (R') – подчиняющим его (возможно, не непосредственно) глаголом [Богуславский 2005]. Например, слово *большинство* сообщает, что та часть целого R, которая обладает свойством R', превышает ту часть R, которая свойством R' не обладает.

(22а) *Большинство наших друзей [R] любит [R'] путешествовать* (= 'среди наших друзей тех, кто любит путешествовать, больше, чем тех, кто не любит').

(22б) *Большинство противников [R] войны проголосовало [R'] против консерваторов* (= 'среди противников войны тех, кто проголосовал против консерваторов, больше, чем тех, кто этого не сделал').

Актант R синтаксически подчинен валентному слову *большинство*, а R' его подчиняет. В примере (14), приводившемся выше, прилагательное *многие* синтаксически подчинено обоим своим актантам. Связь с существительным *пенсионеры* непосредственная, а связь с глаголом *любят* опосредованная.

(14) *Многие пенсионеры [R] любят [R'] работать в саду.*

⁵ Способность наречий определять другие наречия можно считать производной от их способности определять прилагательные [Виноградов 1972: 273].

4.2. Зависимое подчиняющего глагола

Этот тип валентностей типичен для наречий и предложно-падежных сочетаний с адвербиальной функцией. Рассмотрим, например, сочетание *по привычке*:

(23) *Иван по привычке рано встал.*

Оно наследует свои валентности от существительного *привычка*: X – тот, кто имеет привычку (*привычка Ивана*) и P – в чем эта привычка состоит (*привычка рано вставать*). Однако если у существительного обе эти валентности являются активными и заполняются зависимыми от него формами, то в сочетании *по привычке* ни одна из них не является активной. Нельзя сказать **по привычке Ивана*, **по привычке рано вставать*⁶. Тем не менее, в предложении (23) эти валентности заполнены. Валентность P заполнена подчиняющим глаголом (*вставать*), а валентность X – его субъектом (*Иван*). В том, что *по привычке* выбирает в качестве носителя привычки именно субъект подчиняющего глагола, можно убедиться с помощью простого теста. Возьмем два предложения, обозначающих одну и ту же ситуацию, но построенных с помощью конверсных предикатов.

(24а) *Иван занял у соседа сто рублей.*

(24б) *Сосед одолжил Ивану сто рублей.*

Введем в эти предложения сочетание *по привычке* в одну и то же позицию и увидим, что тождество обозначаемой ситуации исчезло. В (25а) речь идет о привычке Ивана, а в (25б) – о привычке соседа.

(25а) *По привычке Иван занял у соседа сто рублей.*

(25б) *По привычке сосед одолжил Ивану сто рублей.*

4.3. Зависимое подчиняющего существительного

Рассмотрим предложение (26)

(26) *Любимые авторы Льва Толстого – Тютчев и Буренин* (М. Гаспаров. Записи и выписки).

и обратим внимание на сочетание *Льва Толстого*. Напомним, что в рамках принятой нами грамматики зависимостей синтаксические связи устанавливаются между словами, а не между словосочетаниями. В каждом словосочетании имеется главный элемент, от которого – прямо или опосредованно – зависят другие элементы словосочетания. Именно этот элемент и участвует от лица всего сочетания во внешних синтаксических связях [Mel'čuk 1988]. С этой точки зрения, сочетание *Льва Толстого* (какое бы из имен мы ни выбрали в качестве главного элемента этого сочетания) синтаксически зависит от существительного *авторы*. Никакое другое слово не образует с ним естественного словосочетания. В частности, не может претендовать на роль синтаксического хозяина сочетания *Льва Толстого* и прилагательное *любимые*. Сочетание **любимые Льва Толстого* (для интересующего нас значения слова *любимый*) в русском языке неправильно. С другой стороны, семантически сочетание *Льва Толстого* связано не со словом *авторы*, а именно со словом *любимые*. *Любимые авторы Льва Толстого* – это авторы, которых Лев Толстой любит больше других. Таким образом, у прилагательного *любимый* име-

⁶ О ситуациях, когда такое все-таки возможно, и о способах описания этих ситуаций см. [Boguslavsky 2005].

ются две семантические валентности (*любимый* X Y-а). Одна из них заполняется подчиняющим существительным (в нашем примере, *авторы*), а вторая – атрибутом при этом существительном (*Льва Толстого*). Помимо этого валентность Y может заполняться и прилагательным, которое также синтаксически подчиняется существительному X:

(27) *мамин* [Y] *любимый* цвет [X].

Похожим, хотя и не вполне тождественным образом ведет себя и прилагательное *излюбленный*. У него есть те же две валентности X и Y, первая из них так же заполняется определяемым существительным, а вторая – подчиненным ему прилагательным:

(28а) *излюбленный бандитский* [Y] прием [X] ('прием, который бандиты любят больше других приемов').

(28б) *Он сидел в своей* [Y] *излюбленной позе* [X] ('в позе, которую он любил больше других поз').

Если признать допустимыми несколько устаревшие употребления прилагательного *излюбленный* типа (29а,б), то окажется, что, в отличие от *любимый*, оно может и самостоятельно подчинять актант по валентности Y. Таким образом, валентность Y является для этого прилагательного не только разрывной, но и активной:

(29а) *Вы опять попадаетесь в излюбленный человеческой мыслью круг* (В. Набоков. Незавершенный роман).

(29б) *Алданова начали упрекать в «сгущении красок», «мрачности тона», «скептицизме», едва ли не в том, что в его романах нет излюбленных критикой описаний хорошей погоды* (В. Ходасевич. По поводу «Ключа»).

В аналогичных сочетаниях со словом *любимый* (*любимые критикой описания природы*) представлено, по-видимому, не прилагательное, а глагол *любить*.

Рассмотрим еще один пример, также иллюстрирующий заполнение валентности прилагательного словом, подчиненным определяемому им существительному. Сопоставим прилагательное *все*, с одной стороны, и прилагательные ряда *всеобщий, поголовный, повальный, тотальный, сплошной*, подробно описанные в Новом объяснительном словаре синонимов [Богуславская 2004: 162–166], с другой. Все эти слова характеризуют очень близкие ситуации, в которых некоторое действие *P* распространяется на все элементы некоторой совокупности *R*. Однако между этими двумя группами слов имеется важное различие, касающееся того, как их актанты распределяются между прототипической и непрототипической позициями, и того, какая из возможных непрототипических позиций используется в каждом случае.

Сравним примеры (30а,б) с примерами (31а,б). Легко видеть, что в примерах типа (а) прототипической позиции определяемого существительного соответствует валентность *R*, а в примерах типа (б) – валентность *P*. Что касается непрототипической позиции для второй валентности, то она у этих прилагательных тоже разная: в (а) это позиция подчиняющего глагола, а в (б) – это позиция зависимого подчиняющего существительного.

(30а) *Ожидается, что все дела [R] будут пересмотрены [P]*.

(30б) *Ожидается всеобщий пересмотр [P] дел [R]*.

(31а) *Весь багаж [R] проверяется [P]*.

(31б) *Производится тотальная проверка [P] багажа [R]*.

5. РАЗНЫЕ АКТАНТЫ – ОДНА СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ, ОДИН АКТАНТ – РАЗНЫЕ ПОЗИЦИИ

Теперь мы подготовили все необходимое, чтобы показать, что, если принимать во внимание пассивные и разрывные валентности, одна и та же синтаксическая позиция

может соответствовать более чем одной валентности слова, а одна и та же валентность может заполняться словами, занимающими разные синтаксические позиции. В 5.1–5.6 будет продемонстрировано определенное разнообразие актантного поведения нескольких типов слов. Существенно подчеркнуть, что демонстрируемая вариативность совместима с тождеством лексемы, то есть свойственна словам в одном и том же лексическом значении.

5.1. Большинство, меньшинство и другие: активное и пассивное заполнение одной и той же валентности

Как уже упоминалось выше, слова *большинство* и *меньшинство* принадлежат к классу кванторных слов. Понятие кванторности в целом и слова *большинство* и *меньшинство* в частности подробно обсуждались в [Богуславский 2005]. Здесь мы воспользуемся некоторыми примерами из этой работы. Слова *большинство* и *меньшинство* обозначают некоторую часть целого R, которая выделяется из него по определенному признаку P:

(32) *большинство R-ов P* = ‘часть R-ов, обладающая свойством P и превосходящая по численности ту часть R-ов, которая не обладает свойством P’.

Существительное *меньшинство* толкуется аналогично с естественной заменой компонента ‘превосходить по численности’ на ‘уступать по численности’. Примеры:

(33а) *Большинство противников [R] войны проголосовало [P] против консерваторов.*

(33б) *Он откровенно говорит, что энергетическую реформу поддержит [P] меньшинство его коллег [R] — менее 20 человек из 47 («Независимая газета», пример из Национального корпуса русского языка).*

Как видно из примеров (33а,б), прототипически валентность целого R заполняется активно – существительным в родительном падеже, а валентность признака P – пассивно, группой сказуемого, подчиняющей слова *большинство* и *меньшинство*. Так, в (33а) множество противников войны представлено как целое, в котором выделяется часть, – те противники войны, которые проголосовали против консерваторов. Утверждается, что таких противников войны больше, чем тех, которые проголосовали иначе. Однако в предложении (34) ситуация принципиально другая:

(34) *Чеченская война расколола российское общество на большинство ее противников [P] и меньшинство сторонников [P].*

Здесь *противники войны* уже не составляют то целое, в котором выделяется большая часть. «Быть противником войны» представляет собой признак P, на основании которого в российском обществе выделена более многочисленная часть. Таким образом, в этом предложении валентность P слова *большинство* выражена не пассивно, как в (33а,б), а активно – подчиненным существительным в родительном падеже. Понятно, что в таком случае глагольная группа, которая играет эту роль в прототипических предложениях, в (34) не имеет никакого отношения к валентностям слова *большинство*. Аналогичным образом построены сочтения *меньшинство сторонников* в (34) и *меньшинство сельских жителей* и *большинство городских* в (35).

(35) *Но однопалатный законодательный орган может создать серьезную напряженность, позволяя, например, меньшинству сельских жителей [P] доминировать над большинством городских [P] (Архив «Независимой газеты»).*

У слов *большинство* и *меньшинство* есть и еще один непрототипический способ заполнения валентности Р, тоже активный – с помощью подчиненного определения: *сельское меньшинство* ('сельских жителей меньше, чем городских'), *мужское большинство* ('мужчин больше, чем женщин').

Подобное явление можно наблюдать и на других словах со значением части. Так, в предложении (36а) именная группа *общемировые запасы*, зависящая от слова *процент*, обозначает то целое, от которого берутся проценты, в то время как в (36б) слово *спирт*, стоящее в той же позиции, обозначает с в о й с т в о, которым обладает выделенная часть целого: 6% содержимого настойки есть спирт. Аналогичным образом противопоставлены выражения в паре (37а,б).

(36а) *Запасы урана на якутских месторождениях составляют почти 6% общемировых запасов.*

(36б) *Настойка содержит 6% спирта.*

(37а) *Верхушка компании СИБУР арестована.*

(37б) *Непродуманная политика сколачивания верхушки богачей.*

5.2. Строгий и другие: активное и нулевое заполнение одной и той же валентности

В русском языке имеется класс прилагательных, имеющих валентность на лицо, являющееся пациенсом эмоционального отношения или определенного способа поведения: *беспощадный, благожелательный, добрый, заботливый, покладистый, снисходительный, строгий, требовательный* и др. Чаще всего эти прилагательные управляют формами *к кому* или *с кем*:

(38а) *Стюарты были строги к своим детям <со своими детьми>.*

(38б) *Беспощаден к пятнам и добр к одежде* (из рекламы стирального порошка).

Если эта валентность не заполнена, то предложение, естественным образом, не несет никакой информации о пациенте:

(39а) *Стюарт очень строг.*

(39б) *строгая дама.*

Такие выражения скорее должны пониматься в универсальном смысле: строгость распространяется на всех. Однако в контексте существительных, обозначающих лицо, находящееся в определенном отношении к другим лицам, интерпретация отсутствия актанта меняется:

(40а) *строгая мама*

(40б) *любящие ученики*

(40в) *требовательный начальник*

(40г) *услужливый сосед.*

Здесь пациент прилагательного определен вполне однозначно. Это лицо (или группа лиц), с которым лицо, обозначенное существительным, находится в соответствующем отношении: мама строга к своим детям, ученики любят своего учителя, начальник требователен по отношению к своим подчиненным, а сосед проявляет услужливость по отношению к людям, рядом с которыми он живет.

Заслуживают особого комментария высказывания типа (41), в которых, несмотря на наличие атрибутивного сочетания, вполне естественно универсальное понимание.

(41) *Наша строгая мама выставила его за дверь.*

Дело в том, что сформулированное выше правило описывает предпочтительную интерпретацию «по умолчанию». Это не противоречит тому, что контекст может преодолеть это предпочтение и навязать стандартное универсальное понимание.

В предложениях (40а-г) мы имеем дело с необычным типом соотношения семантической и синтаксической структуры. В синтаксической структуре пациенсная валентность прилагательного не заполнена, так же, как и объектная валентность существительного. Однако в семантической структуре обе эти позиции не пусты, а заполнены кореферентными переменными. Семантическая структура сочетания (40а) выглядит следующим образом:

Итак, приведенные примеры показывают, что валентности прилагательных обсуждаемого класса могут быть заполнены двояко: прототипически, посредством подчиненной предложной группы (ср. (38а,б)) и непрототипически – посредством переменной, кореферентной другой переменной, заполняющей одну из валентностей определяемого существительного (ср. (40а-г)). Это же можно сказать и о самих этих существительных типа *мама*, *учитель*, *сосед* и др. Им свойственны как управляемые актанты типа *мама Маши*, так и непрототипическое заполнение валентности кореферентной переменной типа *строгая мама*.

5.3. *Тщетно*: различные семантические роли подчиняющего глагола

В стандартном случае семантическая роль глагола относительно наречия, с которым он синтаксически связан, состоит в том, что глагол заполняет валентность наречия. Так, темпоральные наречия типа *сейчас*, *тогда*, *потом*, *вскоре*, *сегодня*, *вчера*, *завтра* и др. имеют валентность на некоторое событие, которому они приписывают временную характеристику. Именно эту валентность и заполняет глагол, подчиняющийся такому наречию: *Сейчас мы знаем [Р] об этом больше, чем раньше*. Более сложная картина наблюдается в случае наречия *тщетно* и некоторых его синонимов, таких, как *напрасно*, *безуспешно*, *безрезультатно*, *впустую*, *зря*, *без толку*, *впустую*⁷. Мы ограничим наше рассмотрение наречием *тщетно*, которое в первом приближении обозначает неудавшуюся попытку. Типовым примером может служить (42):

(42) *Она тщетно старалась скрыть смущение.*

В ситуации, обозначаемой этим наречием, имеется три участника: субъект X, цель Q, которой он хочет достичь, и действия Р, которые он для этого предпринимает. Это слово можно истолковать следующим образом:

(43) *тщетно* (X, Р, Q) = ‘предпринимая действия Р, X пытается сделать так, чтобы имело место Q, но Q не начинает иметь место’.

⁷ Относительно наречия *напрасно* наблюдения, близкие к тем, которые излагаются ниже, были сделаны в [Зализняк Анна 2006: 116–121]. Богатый материал и тонкие наблюдения по всей этой группе наречий содержатся в [Левонтина 2004а: 603–609].

Ни один из трех участников ситуации *тщетно* не открывает активной валентности, то есть ни одна валентность не заполняется словом, синтаксически подчиненным наречию *тщетно*. Синтаксические потенции наречия ограничиваются его связью с подчиняющим глаголом. С полной определенностью можно только сказать, что субъект этого глагола заполняет валентность X наречия. Что касается остальных двух валентностей, Р и Q, то ситуация с ними менее прозрачная. Обе они так или иначе также связаны с подчиняющим глаголом, но более сложным образом. Посмотрим поближе, какую семантическую роль может играть этот глагол по отношению к наречию. С этой точки зрения можно выделить два класса предложений.

В предложениях первого класса глагол, подчиняющий *тщетно*, дублирует компонент попытки, содержащийся в толковании наречия, ср. (44). В [Левонтина 2004а: 604] такие употребления признаются первичными.

(44) *Он тщетно старался найти ключи.*

В этом предложении глагол выражает только саму попытку, а цель Q выражена подчиненным инфинитивом. Именно он сообщает о том, что субъекту не удалось сделать.

Помимо самой попытки, в значение глагола могут входить и другие компоненты толкования *тщетно*. В предложении (45)

(45) *Он тщетно искал ключи*

мы уже не найдем отдельного слова, выражающего цель субъекта. Здесь цель ('найти ключи') выражена в глаголе вместе со значением попытки: 'искал' – это 'старался найти'. Следующий шаг на пути включения в значение подчиняющего глагола компонентов значения наречия демонстрирует пример (46). В глаголе *убеждать* выражена уже не только сама попытка и цель Q, но и упомянуты действия Р, с помощью которых субъект пытался достичь цели.

(46) *Он тщетно убеждал ее выйти за него замуж* 'он тщетно пытался сделать так, чтобы она согласилась [Q] выйти за него замуж, приводя [Р] доводы в пользу этого решения'.

Здесь в значении глагола содержится, с одной стороны, указание на цель (*убеждает* значит 'старается убедить', а *убедить в Z* – это 'сделать так, чтобы адресат согласился, что Z хорошо или истинно'), а с другой стороны, сообщается, что для достижения этой цели субъект приводил какие-то доводы.

В предложениях второго класса подчиняющий глагол не имеет ничего общего ни с тщетной попыткой, ни с целью, которой субъекту не удалось достичь. Глагол выражает исключительно действия Р, выполняемые с целью добиться цели, остающейся за кадром.

(47а) *Он тщетно часами бродил под ее окнами.*

(47б) *Он тщетно тряс замок – ничего не помогало.*

В чем состоит неудача субъекта в этих предложениях? Какой цели ему не удалось добиться? Ясно, что это не действия *бродить под окнами* и *трясти замок*. Эти действия ему осуществить как раз удалось. Имеется в виду, что это – те действия Р, которые субъект предпринимал в попытке достичь некоей цели, непосредственно в предложении не названной.

Таким образом, глагол, подчиняющий наречие *тщетно*, может выполнять относительно него целую гамму семантических ролей, которые, в частности, включают в себя валентности Q и Р.

5.4. Единственный: различные семантические роли определяемого существительного

Предложения с прилагательным *единственный* сообщают, что в некотором универсуме *R* существует объект *Q*, обладающий свойством *P*, и что в *R* нет других объектов с этим свойством. Непосредственный семантический вклад *единственный* в значение предложения можно сформулировать в виде следующего толкования:

- (48) *единственный* (*Q*, *R*, *P*) = 'в множестве *R*-ов или области *R* не существует такого объекта, отличного от *Q*, который обладал бы свойством *P*'.

Типовая конструкция, в которой были бы заполнены все три валентности прилагательного, обнаруживается в предложении (49):

- (49) *Новотель – единственная гостиница, которая находится поблизости от аэропорта.*

Его значение можно разделить на две части: (а) значение, выражаемое помимо прилагательного *единственный* – 'Новотель – гостиница, которая находится поблизости от аэропорта', и (б) значение, вносимое в предложение непосредственно этим прилагательным – 'среди всех гостиниц нет ни одной, отличной от гостиницы Новотель, которая находилась бы поблизости от аэропорта'. Валентности *Q* слова *единственный* соответствует *Новотель*, валентности *R* – *гостиница*, а валентности *P* – пропозиция (*x*) *находится поблизости от аэропорта*. Прототипически валентность *Q* заполняется подлежащим при связочном глаголе, валентность *R* – определяемым существительным, а валентность *P* – рестриктивным определением при этом существительном.

Здесь мы сталкиваемся с первым обстоятельством, свидетельствующим о нисобычности валентных свойств слова *единственный*⁸. Как известно, атрибутивная (в широком смысле) и связочная конструкции реализуют одну и ту же валентность прилагательного. Ср. *усталый отец* – *отец был усталым*. В обоих случаях объекту 'отец' предсказывается свойство 'быть усталым', то есть при переходе от одной конструкции к другой семантическое отношение между существительным и атрибутом не изменяется. Если же перед нами предложение, содержащее, как связочную, так и атрибутивную конструкции, такое, как *Отец был опытным врачом*, то в нем, очевидным образом, прилагательное заполняет свою валентность определяемым существительным, но никак не подлежащим.

В случае прилагательного *единственный* ситуация усложняется. В предложении (49) определяемое существительное и подлежащее оба заполняют валентности прилагательного, и притом разные.

Приведем еще несколько примеров разной структуры на заполнение валентностей *единственный*. Все три валентности одновременно реализуются относительно редко. Чаще всего в предложении можно обнаружить только две или одну.

- (50) *Когда Агамемнон отправился в Троянский поход, Эгисф [Q], единственный уцелевший [P] из сыновей Фиеста [R], обольстил Клитемнестру и подбил ее убить мужа 'среди сыновей Фиеста нет никого, кроме Эгисфа, кто бы уцелел'.*
- (51) *Охранник [Q] единственный не растерялся и поднял тревогу [P] 'охранник не растерялся и поднял тревогу, и кроме него нет никого, кто бы не растерялся и поднял тревогу'.*
- (52) *Единственный охранник [P] не растерялся и поднял тревогу 'охранник не растерялся и поднял тревогу, и кроме него нет никого, кто был бы охранником'*⁹.

⁸ Подробный разбор валентных свойств слова *единственный* содержится в [Богуславский 1996: 202–226].

⁹ В действительности, это и некоторые последующие предложения устроены несколько сложнее. В них определяемому существительному соответствуют сразу две валентности слова *единственный* – *Q* и *P*. Однако чтобы не загромождать изложение, здесь мы отвлечемся от этого осложнения, а обсудим его ниже, в 5.6.

Возвращаясь к канонической конструкции (49), нельзя не обратить внимание на то, что достаточно лишь немного изменить структуру предложения, и распределение слов между валентностями прилагательного *единственный* изменится.

(53) *Новотель – единственная гостиница поблизости от аэропорта.*

Это предложение описывает ту же ситуацию, что и (49), но представляет ее несколько иначе. Наиболее естественная интерпретация (53) состоит в том, что в окрестностях аэропорта нет другой гостиницы. Таким образом, здесь произошел сдвиг валентностей. Если в (49) универсумом R, в котором выделялся единственный объект, было множество гостиниц, а признаком P, на основании которого в этом множестве выделялся Новотель, была близость к аэропорту, то в (53) эти две валентности меняются местами. Теперь уже универсумом являются окрестности аэропорта, а признаком – бытие гостиницей.

Это различие в актантах вызвано различием в синтаксической структуре. Рестриктивный модификатор определяемого существительного (*которая находится поблизости от аэропорта*) предназначен играть роль P, в то время как локативный атрибут (*поблизости от аэропорта*) заполняет валентность R. Аналогичный сдвиг валентностей можно видеть в паре (54)–(55):

(54) *Он остановился в единственной приличной [P] гостинице [R]* ‘он остановился в приличной гостинице, и среди всех гостиниц нет другой, которая была бы приличной’.

(55) *Он остановился в единственной в городе [R] гостинице [P]* ‘он остановился в гостинице, и в городе нет другой гостиницы’.

Приведенные предложения показывают, что в различных синтаксических условиях одна и та же валентность (R) может иметь два способа заполнения, пассивный и разрывной, а одна и та же синтаксическая позиция (определяемое существительное) может соответствовать двум разным валентностям прилагательного *единственный*, R и P.

Примечательно, что если модификатор существительного, содержащий слово *единственный*, выделен интонационно и пунктуационно, то добавляется и третья, последняя логически мыслимая возможность: существительное заполняет его валентность Q. Предложения (56)–(58) демонстрируют все эти три возможности.

(56) *Это лекарство [R], единственное по-настоящему эффективное [P], появилось в продаже совсем недавно* = ‘это лекарство появилось в продаже совсем недавно; это лекарство по-настоящему эффективно, и среди всех лекарств нет другого, которое было бы по-настоящему эффективным’.

(57) *Гостиница [P], единственная в городе [R], была забита до отказа* = ‘гостиница была забита до отказа; в городе не было другой гостиницы (= не было ничего другого, что было бы гостиницей)’.

(58) *Кончилась гроза [Q], единственное в мире [R], чего боялся [P] храбрый пес* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) – ‘кончилась гроза; храбрый пес боялся грозы; нет ничего в мире, к р о м е г р о з ы, чего бы он боялся’.

Эти примеры, показывающие, что определяемое существительное способно заполнять любую из трех валентностей прилагательного *единственный*, могут навести на мысль, что возможно все, что угодно, и что в этой области нет никаких твердых правил. Это не так. Различные актантные структуры примеров (56)–(58) опираются на закономерные свойства русских конструкций.

Чтобы это продемонстрировать, мы сведем конструкции (56)–(58) к конструкциям с уже известными свойствами, следя за тем, чтобы предикатно-аргументные связи слова *единственный* не менялись.

Обособленные определения, представленные в предложениях (56)–(57), сохраняют основные свойства обычных определений, включая предикатно-аргументные. Однако, как мы видели на примерах (49) vs. (53) и (54) vs. (55), в случае атрибутивной конструкции существительное, подчиняющее прилагательное *единственный*, заполняет разные валентности (R или P) в зависимости от того, есть ли при нем рестриктивный модификатор.

Что касается предложения (58), то в нем прилагательное *единственный* субстантивировано. Чтобы свести это предложение к предложению с определением, введем в него определяемое существительное широкой семантики, в результате чего значение предложения не изменится:

(59) *Кончилась гроза, единственная вещь в мире, которой боялся храбрый пес.*

Мы получили предложение с обособленным приложением, которое соотносится со связочным предложением (60):

(60) *Гроза – единственная вещь в мире, которой боялся храбрый пес.*

Это предложение уже совпадает по структуре с канонической связочной конструкцией (49), в которой подлежащее заполняет валентность Q:

(49) *Новотель – единственная гостиница, которая находится поблизости от аэропорта.*

5.5. Бесплатно и другие: различные семантические роли зависимого подчиняющего глагола

Глагол *платить* имеет четыре хорошо противопоставленных валентности: X = «кто платит?», Y = «сколько платит?», Z = «кому платит?», и W = «за что?». Что происходит с этими валентностями, когда предикат ‘платить’ входит в состав значения наречия? Рассмотрим наречие *бесплатно*, толкуемое словарями как ‘без оплаты’.

(61) *Пенсионеры пользуются городским транспортом бесплатно.*

Валентность Y предиката ‘платить’ при *бесплатно* выражена быть не может, поскольку она уже заполнена внутри толкования наречия (‘не платится ничего’). Валентность W реализуется посредством подчиняющего глагола: в (61) речь идет о плате (точнее, об отсутствии платы) за пользование городским транспортом. Субъект оплаты выражен субъектом подчиняющего глагола (*пенсионеры*), а получатель остается не выраженным.

Суущественно, что субъект подчиняющего глагола может с равным успехом выражать и валентность Z:

(62) *Мы рассылаем проспекты бесплатно.*

Таким образом, позиция субъекта при глаголе, подчиняющем *бесплатно*, соответствует как валентности субъекта, так и получателя оплаты. Если кто-то делает нечто бесплатно, то он либо не платит, либо не получает оплаты за это действие. Одно и то же действие в принципе может осмысляться и как получение, и как оказание услуги. Так, в контексте приключений Тома Сойера предложение (63) неоднозначно.

(63) *Он красил забор бесплатно.*

Впрочем, реальная неоднозначность возникает очень редко. Чаще всего из контекста понятно, представляет ли собой выполняемое действие оказание или получение услуги.

Если субъект подчиняющего глагола соответствует одному из двух участников акта оплаты (субъекту или получателю), то что можно сказать о позиции второго из них? Он, если и присутствует в предложении, то не связан никакими синтаксическими ограничениями.

Возникает законный вопрос: является ли двойственность позиции субъекта подчиняющего глагола лингвистическим фактом? Нужно ли в описании слова *бесплатно* отмечать то обстоятельство, что валентности субъекта и получателя платежа выражаются субъектом подчиняющего глагола? Может быть, это просто контекстуальная неопределенность, которой не место в лингвистическом описании? На эти вопросы нужно со всей определенностью ответить: указанная двойственность является важным актантным свойством слова *бесплатно* и заслуживает фиксации в его словарной статье. Одни адвербиальные выражения обладают той же особенностью, что и наречие *бесплатно*, а другие – отличаются от него по этому признаку [Левонтина 2004б: 18]. К первой группе можно отнести слова *даром, задаром, задарма, за (просто) так, за здорово живешь, за красивые глаза*, а также *за (сколько-то), частично дорого и дешево*¹⁰:

- (64а) *«Теперь начинаю понимать, – думал я, – какое количество охотников ходит даром в театр в Москве»* (М. Булгаков. Театральный роман) [‘не платя’].
(64б) *Оскорбленному мужу стало совестно, что из-за него приказчик даром трудился, даром восхищался, улыбался, терял время* (А.П. Чехов. Мститель) [‘не получая платы’].
(65а) *Бери задаром* (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [‘не платя’].
(65б) *Прежде в парикмахерской за кулисами мастерам щипцы подавал, задаром нищих брил* (В. Гиляровский. Москва и москвичи) [‘не получая платы’].
(66а) *Можно ли отремонтировать машину за 1000 рублей?* [‘заплатив такую сумму’].
(66б) *Он за 1000 рублей сделает вам что угодно* [‘получив такую сумму’].
(67а) *Где можно дешево пообедать?* [‘заплатив небольшую сумму’].
(67б) *Он может дешево отремонтировать тебе машину* [‘получив небольшую сумму’].
(68а) *Все одеты чисто, модно, дорого и немножко безвкусно* (В. Кунин. Трое на шоссе) [‘заплатив большую сумму’].
(68б) *Устанавливаем стеклопакеты дорого и качественно* (из объявления) [‘получив большую сумму’].

Ко второй группе слов, имеющих ограничения на интерпретацию субъекта подчиняющего глагола, относятся два синонима *бесплатно* – *безвозмездно* и *за спасибо*, а также разговорно-сниженные выражения *на халяву* и *на дармовищину*. Первые два из них предпочтительно употребляются в значении ‘не получая платы’, ср. (69)–(70). Последние, напротив, употребляются лишь в значении ‘не платя’, ср. (71).

- (69а) *Профком безвозмездно предоставил шахтерам путевки в санаторий.*
(69б) ?? *Шахтеры безвозмездно получили в профкоме путевки в санаторий.*
(70а) *За спасибо профи не играют.*
(70б) ?? *Он целый год за спасибо пользовался нашим инвентарем.*
(71а) *Будут знать неплатежеспособные бабушки, как пить на халяву воду акционерного общества!* [пример из Национального корпуса русского языка]
(71б) * *Он на халяву <на дармовищину> починил нам забор.*

¹⁰ *Дорого* и *дешево* употребляются в основном с глаголами типа *стоить, купить, продать, обойтись, ценить* и т.п., при которых они заполняют валентность цены. Чисто обстоятельственные употребления, интересующие нас в данном контексте, для этих наречий нетипичны.

Синонимы, различающиеся обсуждаемым свойством, имеются не только в русском языке. Так, испанские наречия со значением ‘бесплатно’ – *gratis* и *gratuitamente* – тяготеют каждое к той или другой интерпретации:

(72a) *Te lo haré gratuitamente* ‘я сделаю это для тебя бесплатно’ [‘не возьму платы’].

(72б) *Los estudiantes estudian gratis* ‘студенты учатся бесплатно’ [‘не вносят платы’].

5.6. Только и единственный: сдвоенное заполнение валентности

В этом разделе речь пойдет о случаях, когда одно и то же слово одновременно участвует в заполнении двух разных валентностей. Интересующие нас слова очень близки по смыслу, но резко противоположны по валентным свойствам. Это прилагательное *единственный*, о котором мы говорили в 5.4, и частица *только*. Оба слова имеют три валентности: объект Q, область или множество объектов R, из которого выбирается Q, и свойство P.

Начнем со слова *только*. В зависимости от интонации предложение (73) имеет две интерпретации.

(73) *Отец пьет только красное вино.*

Если интонационно выделено прилагательное *красное*, то предложение означает, что отец не пьет никаких вин, кроме красного. Если же фразовое ударение падает на конечную именную группу, то предложение сообщает, что отец не пьет никаких других напитков, кроме красного вина. Иначе говоря, в первом случае красное вино (Q) выделяется во множестве вин (R), в то время как во втором случае – тот же объект выделяется во множестве, гораздо более обширном, но менее определенном и эксплицитно не названном – множестве всего, что можно пить. Из этих двух осмыслений нас интересует сейчас только первое, специфика которого хорошо видна именно на фоне второго. Она состоит в том, что в предложении заполнены как валентность Q (*красное вино*), так и валентность R (*вино*), и при этом слово *вино*, представленное в предложении лишь один раз, участвует в заполнении их обеих.

Перейдем к прилагательному *единственный*. Оно также допускает совместное выражение двух валентностей в одном слове, но валентности эти другие – Q и P. Вернемся к предложению (52), о котором уже шла речь в 5.4.

(52) *Единственный охранник не растерялся и поднял тревогу.*

Мы утверждаем, что существительное *охранник* совмещает в себе две валентности слова *единственный*. Чтобы показать это, представим значение предложения (52) в виде двух компонентов. Компонент (52а) описывает значение предложения за вычетом слова *единственный*, а компонент (52б) содержит пропозицию, описывающую семантический вклад слова *единственный*. Очевидным образом, (52б) представляет собой толкование (48) слова *единственный* с заполненными валентностями (за исключением валентности R, которая в этом предложении не заполнена).

(52а) ‘охранник не растерялся и поднял тревогу’.

(52б) ‘не было никого, отличного от (этого) о х р а н н и к а [Q], кто обладал бы свойством б ы т ь о х р а н н и к о м [P]’.

Легко видеть, что смысл ‘охранник’ входит в пропозицию (52б) дважды – в составе актантов Q и P, причем в разных денотативных статусах. Актант Q имеет тот же статус, что и вхождение этого существительного в основную часть предложения (52а), то есть в данном случае – конкретно-референтный (‘этот охранник’). В качестве актанта P существительное имеет предикативный статус (‘быть охранником’). Еще нагляднее это раз-

личие проявляется в предложении (74), в котором присутствует эксплицитный показатель конкретно-референтного статуса (*этот*). Здесь валентность *Q* заполняет именная группа *этот охранник* целиком, а валентность *P* лишь ее вершинное существительное *охранник*.

(74) *Этот охранник, единственный во всем здании, не растерялся и поднял тревогу.*

(74а) 'этот охранник не растерялся и поднял тревогу'.

(74б) 'во всем здании не было никого, отличного от этого охранника, кто обладал бы свойством быть охранником'.

6. КОНВЕРСИЯ

«Лексическая конверсия – явление по существу залоговое» [Апресян 1974: 264, цит. по 2 изд.]. Если залог – это грамматикализованная мена диатезы, то конверсия представляет собой лексикализацию этой мены. О конверсии говорят тогда, когда слова, обозначающие одну и ту же или близкие ситуации, различаются тем, какие синтаксические позиции занимают выражения, заполняющие их валентности. Канонические примеры конверсивов: *покупать* – *продавать*, *выиграть* – *проиграть*, *владеть* – *принадлежать*, *любить* – *нравиться*. Конверсные отношения усматриваются и тогда, когда актанты, затронутые конверсией, присоединяются к предикату через связку: *Иванов – учитель моего сына* vs. *Мой сын – ученик Иванова*, *Москва севернее Киева* vs. *Киев южнее Москвы*, *Пять больше трех* vs. *Три меньше пяти*. Ниже мы покажем, что с учетом пассивных и разрывных валентностей разнообразие синтаксических позиций актантов конверсивов замтно больше.

6.1. *Все* vs. *всеобщий* и другие

В 4.3 мы сопоставляли прилагательное *все*, с одной стороны, и прилагательные ряда *всеобщий*, *поголовный*, *повальный*, *тотальный*, *сплошной*, с другой. Было показано, что при сходстве лексического значения эти слова различаются тем, в каких синтаксических позициях стоят выражения, заполняющие их валентности. Напомним один из примеров:

(30а) *Ожидается, что все дела [R] будут пересмотрены [P].*

(30б) *Ожидается всеобщий пересмотр [P] дел [R].*

Если у прилагательного *все* валентность *R* выражена определяемым существительным, а валентность *P* – сказуемым, то у прилагательного *всеобщий* позиция определяемого существительного зарезервирована для валентности *P*, в то время как валентность *R* выражена зависимым этого существительного.

6.2. *Все* (прилагательное) vs. *все* (существительное)

Предложение (75) допускает два прочтения:

(75) *Захожу, а в каптерке все мои дружки* (В. Белов. Привычное дело).

(75а) 'в каптерке (были) все мои дружки' = 'все, кто мои дружки, были в каптерке'; *R* = 'мои дружки'; *P* = 'были в каптерке'.

(75б) 'в каптерке все (были) мои дружки' ≈ 'все, кто был в каптерке, – мои дружки'; *R* = '(кто) был в каптерке'; *P* = 'мои дружки'.

В прочтении (75а) предложение означает, мои дружки в полном составе собрались в каптерке, а в прочтении (75б) утверждается, что в каптерке не было посторонних. В соответствии с этим предложение (75) имеет разный лексический состав и разную синтак-

сическую структуру. В (75а) *все* является прилагательным, глагол *быть* имеет значение 'находиться' и подчиняет именную группу *все мои дружки*, а в (75б) *все* является существительным и служит подлежащим при связке.

6.3. *Все vs. только, всё*

Парадоксальным образом, конверсным оказывается соотношение между такими разными словами, как *все* и *только*.

(76) *Здесь лежат [Р] все мои документы [R]* ('все, что является моим документом, лежит здесь').

(77) *Здесь лежат [R] только мои документы [Р]* ('все, что лежит здесь, является моим документом').

Ср. также частицу *всё*, синонимичную *только*:

(78) *Здесь лежат [R] всё мои документы [Р]* ('все, что лежит здесь, является моим документом').

6.4. *Часто vs. многие и другие*

Как проницательно заметила Т.В. Булыгина, наречия типа *часто, редко, всегда, иногда, иной раз, обычно* и т.п. «иногда обнаруживают глубинную связь с именным, а не глагольным компонентом предложения, выступая в качестве синонимов присубстантивных кванторов *многие, немногие, все, некоторые, иной, большинство* и т.п.» [Булыгина 1980: 351]. Вот ее примеры:

(79а) *Любил я часто, чаще ненавидел* (Лермонтов).

(79б) *Любил я многих, но было больше тех, кого я ненавидел.*

(80а) *Лингвисты редко обладают математическими способностями.*

(80б) *Немногие лингвисты обладают математическими способностями.*

(81а) *Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике.*

(81б) *Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике.*

(82а) *В русском языке прилагательные всегда согласуются с существительными.*

(82б) *В русском языке все прилагательные согласуются с существительными.*

(83а) *Люди обычно не любят критики.*

(83б) *Большинство людей не любит критики.*

Принимая во внимание различие синтаксических позиций членов этих пар, их точнее называть не синонимами, а конверсивами.

6.5. *Большинство vs. в большинстве (своем) и другие*

Систематическим источником конверсных отношений интересующего нас типа служит адвербиальная деривация:

(84а) *Большинство предприятий госсектора убыточны.*

(84б) *Предприятия госсектора в большинстве своем убыточны.*

(85а) *Он сказал, что до деревни было только пятнадцать километров.*

(85б) *По его словам, до деревни было только пятнадцать километров.*

(86а) *Я считаю, что он преувеличивает.*

(86б) *По-моему, он преувеличивает.*

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

Образцовым, каноническим типом валентностей являются активные валентности, в первую очередь глагольные. Эти валентности предполагают, что выражения, которые

их заполняют, синтаксически подчинены предикатному слову. Если ввести в рассмотрение и другие типы валентностей (пассивные и разрывные), то в дополнение к этим стандартным позициям актантов появляются три других: подчиняющее слово, его зависимое и его подчиняющее.

Расширение типологии валентностей приводит к тому, что некоторые привычные понятия оказываются слишком узкими и требуют обобщения. Явления, которые они описывают, следует мыслить в более широком контексте. В первую очередь это относится к самому понятию актанта. Этот термин давно уже закрепился для обозначения выражений, заполняющих именно активные валентности (см., например [Mei'čuk 2004a,b]), и настолько «прирос» к ним, что представляется целесообразным ввести более широкое понятие, для которого актант будет лишь частным случаем. В качестве такого понятия мы в свое время предложили использовать понятие сферы (или области) действия (СД), охватывающее любой фрагмент предложения, значение которого заполняет некоторую валентность предикатного слова [Богуславский 1980; 1985]. Тогда глубинно- и поверхностно-синтаксические актанты, описываемые моделями управления (см. раздел 3 выше), оказываются разновидностью глубинно- и поверхностно-синтаксических СД, а сами модели управления предстают как частный случай СД-правил.

В настоящей статье мы рассмотрели еще два тесно связанных между собой понятия, объем которых также напрямую определяется тем, насколько широко понимается валентность. Это понятия диатезы и конверсии.

Если признать, что активные валентности не исчерпывают всего спектра возможностей, то приходится признать также и то, что соответствие между СемА и ГСинтА, традиционно называемое диатезой, является частным случаем соответствия между СемА и ГСинтСД. Это более широкое соответствие представляет интерес потому, что для него, так же, как и для диатезы, свойственна неединственность, то есть ситуация, при которой одна валентность может заполняться выражениями, имеющими разные синтаксические позиции, а одна синтаксическая позиция может обслуживать разные валентности. Однако в отличие от мены глагольной диатезы, которая находит формальное выражение в категории залога, различие в ГСинтСД не имеет морфологической маркировки, что делает это явление менее заметным и более трудным для обнаружения и исследования.

Другое важное отличие отсутствия взаимно-однозначного соответствия между СемА и ГСинтСД от традиционных случаев неединственности глагольной диатезы состоит в следующем. Когда у глагола имеется более одной диатезы, одна из них, как правило, является первичной, а остальные являются производными. От предложения с основной диатезой часто можно перейти к предложению с производной диатезой, в большей или меньшей степени сохраняя пропозициональное значение. Единицы, описанные выше в разделе 5, такого варьирования, как правило, не допускают. Неединственность не обязательно влечет возможность варьирования.

Понятие конверсии так же, как и диатеза, апеллирует к синтаксическим позициям, которые занимают актанты, и, как было показано в разделе 6, эти позиции следует выбирать из более обширного списка, чем это принято.

Расширение круга фактов, покрываемых понятиями диатезы и конверсии, является непосредственным следствием признания того обстоятельства, что помимо активных валентностей существуют валентности пассивные и разрывные. Вместе они образуют широкий и разнообразный класс явлений, объединенных концепцией валентности как универсального средства соединения значений слов в предложении. Это несколько не препятствует тому, чтобы видеть в этом широком классе специфические подклассы, требующие и специфических инструментов описания. Например, для описания важнейшего подкласса валентных слов – слов с активными валентностями – разработано понятие управления, которому посвящена огромная литература. Ничуть не подвергая сомнению плодотворность изучения управления, мы считаем тем не менее полезным видеть, что оно охватывает лишь один из типов соотношения между предикатным словом и выражением, заполняющим его семантическую валентность. Усматривая общность между диатезой как специфически глагольным явлением и более широким соответствием

между СемА и ГСинтСД, мы нисколько не размываем границы весьма богатой и содержательной области глагольного залога и не пытаемся «протащить» в нее чуждый ей материал. Наша цель – лишь показать, что возможен более общий взгляд на проблему соответствия между семантическими актантами и их синтаксическими позициями, при котором и глагольные залоговые, и вариативность семантических функций существительного относительно прилагательного, и многие другие явления, продемонстрированные выше, предстают как разные грани одного и того же интереснейшего феномена – механизма соединения значений слов в предложении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Словарная статья *отомстить* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Апресян 2005 – Ю.Д. Апресян. О московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
- Апресян 2006 – Ю.Д. Апресян. Глагольное управление revisited // *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu* / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006.
- Богуславская 2004 – О.Ю. Богуславская. Словарная статья *всеобщий* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Богуславский 1980 – И.М. Богуславский. О понятии сферы действия предикатных слов // ИАН СЛЯ. 1980. Т. 39. № 4.
- Богуславский 1985 – И.М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1996 – И.М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2005 – И.М. Богуславский. Валентности кванторных слов // Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- Булыгина 1980 – Т.В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Зализняк Анна 2006 – Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Левонтина 2004а – И.Б. Левонтина. Словарная статья *напрасно* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Левонтина 2004б – И.Б. Левонтина. Словарная статья *безвозмездно* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. Залог (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Boguslavsky 2003 – I. Boguslavsky. On the passive and discontinuous valency slots // *Proceedings of the 1st International conference on Meaning-Text theory*. Paris, École Normale Supérieure, June 16–18, 2003.
- Boguslavsky 2005 – I. Boguslavsky. Actant properties of adverbial derivatives // *East West encounter: Second International conference on Meaning-Text theory*. M., 2005.
- Meľčuk 1988 – I. Meľčuk. *Dependency syntax: Theory and practice*. New York, 1988.
- Meľčuk 2004a – I. Meľčuk. Actants in semantics and syntax I: actants in semantics // *Linguistics*. V. 42(1). 2004.
- Meľčuk 2004b – I. Meľčuk. Actants in semantics and syntax II: actants in syntax // *Linguistics* V. 42(2). 2004.
- Meľčuk 2006 – I. Meľčuk. *Aspects of the theory of morphology*. Berlin; New York, 2006.
- Paducheva 2003 – E. Paducheva. Diathesis: some extended applications of the term // *Proceedings of the 1st International conference on Meaning-Text theory*. Paris, École Normale Supérieure, June 16–18, 2003.
- Partee 2005 – B. Partee. Diathesis alternations and NP semantics // *East West encounter: Second International conference on Meaning-Text theory*. M., 2005.
- Somers 1987 – H.L. Somers. *Valence and case in computational linguistics*. Edinburgh, 1987.